

ИЗ ЗАМЕТОК О ТОХАРСКИХ БУДДИЙСКИХ ТЕКСТАХ

Александр Пятигорский для востоковедов и философов стал примером ученого, внимательно и вдумчиво сопоставляющего буддийские тексты. Его научные труды, равно как и философская проза, свидетельствуют о проникновении в суть учения, их вдохновившего. В его честь кажется уместным собрать вместе разрозненные заметки, касающиеся одной из ранних центральноазиатских традиций, сыгравшей немаловажную роль в распространении идей и символов буддизма.

Тохарские тексты (на более архаичном тохарском *A* языке, ко времени его письменной фиксации около VII в.н.э. уже становившимся сакральным языком книжной проповеди и монастырского общения, и на тохарском *B* языке, по всей видимости дольше сохранявшимся в живом употреблении) послужили одним из главных промежуточных звеньев в передаче индо-арийско-язычного (санскритского и палийского) литературного и философского наследия на восток Азии через ее центр. Уже ко времени фиксации в начале 1 тыс.н.э. текстов на крорайнском пракрите в южных оазисах Центральной Азии существовала та языковая буддийская традиция, которая потом отражается в тохарских текстах. Это видно, в частности, из наличия специальных терминов типа имен на -*ṛs* в крорайнском пракрите, которые скорее всего соответствуют тохарским монастырским терминам типа обозначений особ женского рода на *B* -*āṛsa*, *A* - *āṛs* (*B* *urāsakāṛsa* "мирянка-буддистка", *A* *wāskāṛs*: санскритск. *urāsikā*, от основы *B* *urāsaka*, *A* *wāsak*: санскритск. *urāsika*-). Наиболее близкое соответствие в крорайнских пракритских формах на -*m* обнаруживается в тохарск. *A* *sankastery-āṛč*, "настоятельница в монастыре", 414 а 1, текст наставлений о монашеской дисциплине, свидетельствующий, как и самый гибридный термин, о санскритско-тохарском двуязычии в среде, где санскрит, как позднее тохарский *A*, был искусственным сакральным языком монастырского общения. Данный термин, имеющий родит. падеж *sankasteryāṛč-e* (Sieg-Siegling-Schulze 1931, §§ 53, 122) отвечает пали *saṃgātheri*, санскритск. *saṃghasthaviṛā* при термине мужского рода тохарск. *B* *sankastere*, часто встречающемся в монастырской переписке. Как давно установлено (Sieg-Siegling-Schulze 1931, § 53; Couvreur 1947, § 37a, p. 25; Krause-Thomas 1960, I, S. 12), аналогию или источник тохарск. *A* -*āṛč*, *B* -*āṛsa* в этих производных женского рода можно видеть в согдийском -*nčh* при родственных

живых восточно-иранских: сарыкольск. *āns*, ваханск. *-uŋj-* (суффикс заимствован и в другие центрально-азиатские языки). Кажется возможным предположить, что формы этого типа восходят к периоду тохарско-санскритско-иранского (согдийского) многоязычия в буддийских монастырях начала нашей эры. О тохарском посредничестве может говорить и звуковой облик иных иранских слов в пракрите крорайни.

Другой характерной чертой крорайнских пракритских текстов являются некоторые заимствования, возводимые к источникам типа тохарск. *A kälume*, *B kalumie* "область, направление". Тохарское слово имеет индоевропейскую этимологию, и поэтому направление заимствования здесь - прямо из тохарского в пракрит (тогда как в первом случае более вероятно тохарское посредничество при согдийском источнике). Значительный интерес представляет также и то, что уже в крорайнском пракрите засвидетельствовано употребление календарных символов двадцатичленного животного цикла, которые позднее встречаются в оригинальных тохарских текстах (в частности, в одном из писем собрания бывшего Азиатского музея, позднее петроградского Института востоковедения), а также в двуязычном перечислении этих животных на санскрите и тохарском *B* (*B N 549*, 5-6, Lüders 1933). Ввиду последующего широчайшего распространения этого цикла от Восточной Азии до Кавказа (где он до сих пор сохраняется в кабардинской языковой традиции, если ограничиваться одним лишь примером), свидетельства ранних центральноазиатских источников представляются драгоценными.

Хотя большинство дошедших до нас тохарских (*A* и *B*) сочинений фрагментарно, они дают тем не менее возможность представить себе, какие основные части буддийского канона и что из произведений последующих авторов существовало в тохарских переложениях, о тщательности которых говорят многократно уже (вслед за создателями тохарской филологии Зигом и Зиглингом) изучавшиеся жалобы тохарского переводчика на трудность стоящей перед ним задачи. До открытия центральноазиатских (в том числе и тохарских) текстов реконструкция древнего облика буддийской литературы могла производиться главным образом на основании сличения друг с другом тех периферийных - прежде всего южно-азиатских, в том числе цейлонской, и восточно-азиатских, прежде всего японской - версий, которые (в согласии с географическим принципом сохранения архаизмов, в том числе и семиотических, на периферии) сохранили многие черты первоначального ядра. Теперь пути передачи на Восток проясняются. Близость некоторых из тохарских переложений к сохранившимся в китайской традиции разительна. Это, например, относится к дис-

циплинарным текстам *Pratimokṣa*, описывающим проступки, заслуживающие наказания. История распространения сюжетов джатак, важная и для буддологии, и для сравнительного литературоведения, становится более документированной благодаря заманчивым сближениям тохарских переводов с китайскими, а отчасти также и тибетскими. Вероятно правы ученые, отмечающие значимость сведений о том, что Кумараджива, с чьим именем связана большая часть ранних китайских переложений буддийских сочинений, был юэ-чжийцем, то-есть тохаром. Но в этом случае нужно было бы полагать, что ко времени Кумарадживы (задолго до VII в.н.э., к которому по палеографическим данным относятся тохарские памятники письменности, вероятно восходящие к значительно более ранним прототипам) уже существовали тохарские тексты, скорее всего на тохарском А, позднее уже вышедшем из употребления. Это кажется возможным и по той хронологии, которую предполагают следы тохарских буддийских текстов в крорайнском праките.

Исследование тохарской буддийской терминологии заставляет полагать, что наряду с давно выработанными стандартными эквивалентами существовали и опыты новых переводов: при передаче *samskāra* "санскара" посредством тохарск. *B skeye* "усилие" в некоторых тохарских *B* фрагментах, относящихся к формуле *Pratītyasamutpāda*; в другом тексте того же типа этот санскритский термин переводится как тохарск. *B yā* пог "действие" (Pinault 1988, p. 100-101, 123), которое в других случаях может передавать санскритск. *karman* "дело", в том числе и в этимологических сочетаниях с тохарск. *B yām-* "делать": *yāmog yamos, yamotsa yamantia, yāmu yāmog* (все три сочетания из *Karmavibhāṛiga*).

Как заметили еще в своих замечательных изданиях тохарских текстов Зиг и Зиглинг (Sieg, Siegling 1921) и позднее детально исследовал Вернер Винтер (Winter 1955), в тохарской драме (буддийском театрализованном действе) встречаются ремарки, обозначающие границы ее частей, напр., *lcār poñś Maitreyasamitra [+ kam Guru] darśam ñomā śak-sapint nīra(t)t ar* "Все уходят". У пьесы (*nāṭaka*) "Майтрейясамити" одиннадцатое действие по имени "Видение учителя" - *Gurudarśana* - "окончилось" А 253 6; в тохарском *B* соответствующая ремарка имеет вид *latem poñc* "Все уходят". Из подобных ремарок, а иногда и пояснений, выявляемых в драматических текстах, некоторые прямо отождествимы с философскими буддийскими формулами, что существенно для выявления отношений между жанрами буддийской литературы. В частности, обращает на себя внимание повторяющаяся ремарка, включающая модальную форму на -I типа тох. *B Kārsaralya*: ...ñakciye saissene *Kārsaralya*- "в божеском мире (санскритск. *deva-loka*) должно (это) пониматься (как

происходящее)" [В 99а, 2, драматизованный вариант Subhāsitaḡavesin-Jā taka]. Аналогичный оборот с теми же модальными формами встречается и в таком философском тексте, как трактат Udānālankara (41 а, 3, 10): naisyandik no sār yente kārsanalya - "потому что ветер нужно понимать как принадлежащий к истечению телесному" (санскритск. naisyandikā). Эта текстологическая параллель дает представление о том, в какой мере буддийская религиозная драма (не только ежегодная мистерия Майтрейи, о значимости которой говорят и китайские источники, но и театрализованные формы джатак) в тохарской традиции образует единое целое с текстами философскими: зрители мыслили (представляли себя) находящимися в определенном мире или месте мира так же, как мыслилось (представлялось) и любое другое понятие в системе буддийских ценностей. Термины для уяснения сути иллюзии в театральных ремарках совпадают с философскими, что лучше позволяет понять тохарский вариант буддийской мировой драмы.

Л и т е р а т у р а

- Couvreur, W. 1947. *Hoofdzaken van de Tocharwse Klank-en Vormleer* (Katholieke Universiteit te Leuven, Philologische Studien, Teksten en Verhandelingen, IIe Reeks; Deel 4), Leuven: Beheer van Philologische Studiën.
- Lévi, S. 1916. "Xuchean fragments (of Pratimoksa, Prayaseittika, and Prātiesaniya)". *Hoernle A.F.R. Manuscript Remains of Buddhist Literature found in Eastern Turkestan I*, Oxford, pp. 357-376
- Lüders, H. 1933, "Zur Geschichte des Ostasiatischen Tierkreises". *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*, 1933, S. 998-1022 (также *Philologica Indica*, Göttingen, 1940, S. 727-751).
- Schulze, W., Sieg E., Siegling E. 1931. *Tocharische Grammatik*. Göttingen
- Sieg, E. 1938. "Die Kutschischen Harmavibhanga-Texte der Bibliothèque Nationale in Paris (zu Prof. Sylvain Lévi's Ausgabe und Übersetzung)". *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, Bd 65, S. 1-54.
- Sieg, E., Siegling, W. 1921. *Tocharische Sprachreste*. I Bd. Die Texte, A. Transkription, Berlin-Leipzig (тохарские А тексты цитируются по этому изданию)
- Sieg, E., Siegling, W. 1949-1950. *Tocharische Sprachreste, Sprache B*. Heft 1; *Die Udānālankara-Fragmente*, Text, Übersetzung und Glossar; Heft 2, *Fragmente NH-633*. Göttingen.
- Winter, W. 1955. "Some aspects of "Tocharian" Drama: Form and technique". *Journal of the American Oriental Society*, vol. 75, N. 1, pp. 26-35.